

Путин и Популизм в 2013-м году

О том, что [встреча Путина с членам Общероссийского народного фронта](#) есть нечто новое в российской политической игре - серьезно пока никто не писал. А зря. Могу только отметить написанную в довольно легкой манере заметку [В.Пастухова "Поворот налево"](#)

в которой автор справедливо отмечает популистский характер выступлений на конференции, да и самого Фронта в целом.

Однако, В.Пастухов видит в этом только тактическую задачу выживания самого Путина путем реформирования поддерживающих его сил: снижение роли Единой России и перехват инициативы Народным фронтом.

Представляется, что не все так просто. Как это часто бывает в политике, тактические маневры нередко могут привести к гораздо более масштабным переменам, даже против воли своих инициаторов.

В целом, термин "популизм" требует переосмысления и переопределения. Сам В.В.Путин лет 7-8 назад призывал политические силы не использовать популизм, уходить от него в политической деятельности (помните - "партия реальных дел"). "Популизм" тогда понимался как бессмысленные и невыполнимые обещания, основанные на "разжигании" необоснованных ожиданий граждан. Причем под такой "популизм" неминуемо подпадало почти все, что касалось нужд и интересов граждан. Этим самым гражданам положены были только минимальные "социальные обязательства" (с акцентом на слово "минимальные", конечно), которые государство само для себя определило, само на себя взвалило и само пыталось обеспечить.

"Популизм" в таком понимании когда-то был опасен для Путина, был не нужен ему, и он выступал против него.

И вот, времена изменились. Популизм, как политика, основанная на апелляции к широким народным массам (классика), возвращается. И возвращается через самого Путина, минуя партию власти.

Этот новый популизм хорошо заметен в трех проявлениях, которые можно проследить на конференции Фронта.

1. Сама конференция интересна не только темами, которые на ней поднимались, но и тем, как это все было устроено. Достаточно сказать, что если взять стенограмму конференции и просто посчитать время выступлений участников и самого Путина, то можно увидеть, что Путин выступал в целом в 1,5 раза меньше, чем "фронттовики". То есть это вовсе не был монолог Путина, или только его ответы на вопросы. Участники

конференции говорили больше и дольше Путина. Не будем играть в наивность - им позволялось это делать. Будем еще более прагматичными - им так и рекомендовалось делать, выступать, говорить о своих проблемах, с подробностями и конкретикой. И отношение Путина к выступающим было совсем иным, чем к выступающим на партийных форумах или президентских советах. Путин как мог старался высказывать уважение к говорящим. Даже извинялся за свои фирменные шутки, чего он не делает в разговорах с подчиненными.

Путин старался быть "популистом", как мог. В целом, надо отметить, у него получилось. Причем гораздо лучше и естественнее, чем у большинства его соратников и членов партии Единая Россия.

2. Конференция была посвящена проблеме, о которой государство и главная партия страны старались не вспоминать последние годы, а если и вспоминали, то очень специфично. Это тема справедливости. (Эволюция самого Путина с этой точки зрения чрезвычайно интересна. Мы, по крайней мере, можем насчитать пять этапов его понимания справедливости, начиная с 2000-го года).

В последние годы идея справедливости как политической ценности была отдана на аутсорсинг партии "Справедливая Россия" (правда, видимо, неудачно), и вот теперь пришло время забрать эту идею обратно.

Путин дает четкое понимание, что такое справедливость: *"Это равный доступ к качественной и бесплатной медицине, качественному и бесплатному образованию, это забота о семьях с детьми, это поддержка материнства и детства вообще, поддержка сиротства, это уважительное отношение к труду, это достойная заработная плата за свой труд и так далее и тому подобное"*

Да, в европейском понимании это не только левые идеи, а скорее уже общие и для левых и для правых. Да и для России это пока только слова, которые мы уже неоднократно слышали, в том числе и от представителей правящей партии, в том числе и от тех ее знатных членов, которые свою личную траекторию к качественной жизни выстраивали совершенно несправедливо и даже нечестно.

Да, это так.

И все же, представляется, что данные слова, сказанные не в чиновничьей аудитории, а перед людьми, обретают несколько иной смысл, несколько иную ценность и ответственность.

Популизм, как апелляция к широким народным массам предполагает не только слова о справедливости, но и яркие и значимые вспышки этой справедливости в обществе (говорить о том, что справедливость должна неминуемо придти и наступить везде и сразу, конечно, не стоит). Иначе этот популизм не будет иметь смысла.

Видимо, в ближайшее время, мы станем свидетелями обретения или утраты этого смысла.

3. Ответы Путина на выступления и вопросы участников были на удивление мягкими, может быть даже нарочито мягкими. Слов о военной сфере, об армии, о силовых структурах не было вообще. Это один из немногих примеров того, как общение Путина с "народом" обошлось вообще без слов "армия", "вооружение", "военные". Их нет в стенограмме.

Более того, употребив в одном из ответов термин "денежное довольствие" Путин тут же зачем-то оговаривается: *"извините за военный сленг"*. По всей видимости это именно установка на "штатский" характер общения, поднимаемых тем и словоупотребления. Это, конечно, пока ни о чем не говорит, кроме того, что наш Президент прекрасно владеет различными способами и манерами коммуникации с разными аудиториями. Но, отметим, это была не просто аудитория, не подчиненные, не чиновники - это были те самые "широкие массы", как их, видимо, понимает сам Путин, воздействовать на которых он может только словом, делом и выполнением своих обещаний. И вряд ли Путин будет иметь в ближайшее время какие-то другие лояльные к нему "массы".

Да, конечно, слишком часто в мировой истории популизм оказывался лишь инструментом завоевания и удержания политической власти. Но также часто от такого популизма выигрывали широкие массы граждан. Так было, скажем, в период Великой депрессии в США, когда правые круги называли Ф.Рузвельта не иначе как "большевик в Белом Доме".

Аналогии, конечно, тут вряд ли работают.

Однако, мы можем с уверенностью диагностировать некоторый поворот в риторике и политике самого Путина. И этот поворот связан с его пониманием, что политической поддержки, которую ему оказывает партия Единая Россия, ему совершенно недостаточно для того, чтобы удержаться у власти. Партии не удалось стать настоящей политической партией, не удалось завоевать доверие и достаточное (комфортное) количество голосов граждан. Значит, надо что-то еще. Значит, надо применять какие-то иные инструменты, коль скоро инструмент-партия дает сбой.

И вот Путин вступает на тропу популизма. Наверняка, это не единственная тропа, которую он приберег и приготовил. Может быть даже и не самая главная в его задумках, может быть даже и просто фальшивая, для отвода глаз.

Но дело в том, что популизм имеет еще и незадокументированные свойства, которых не видно при начальном его употреблении. Это, прежде всего, то, что за популизм надо будет как-то отвечать, на этом пути нельзя останавливаться. Нельзя вернуться обратно без сколько-нибудь серьезных оснований в виде масштабного кризиса или войны.

Черчилль, например, на входе в Великую войну смог остановить волну популизма только своими знаменитыми жесткими обещаниями: *"I have nothing to offer but blood, toil, tears and sweat"*.

Что обещает нам Путин? Похоже, он сам еще не знает, оставляя себе как можно больше опций для удобства выбора. И вот это-то и есть самое тревожное в современной ситуации.

Р.Евстифеев